

СЛОВО
СОВРЕМЕННОЙ
КЛАССИКИ

Екатерина Николаева

Слово современной классики

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74282101

Слово современной классики: избранная проза и поэзия / сост.

Екатерина Николаева: Четыре; Санкт-Петербург; 2026

ISBN 978-5-908132-05-3

Аннотация

В какой момент современность становится классикой? Может быть, в далёком будущем? Но сейчас вы держите в руках сборник – своего рода попытку ответить на этот вопрос. Здесь есть и проза, которая фиксирует наше время – его нерв, его скорость и редкую тишину. Есть и поэзия – отступление от мира, чтобы издалека, окинув его более масштабным взглядом, оценить точнее.

В цифровую эпоху, где всё мгновенно и недолговечно, тексты наших авторов утверждают обратное: подлинное слово обладает внутренней прочностью, но даже высеченное в камне остаётся живым и понятным любому.

Добро пожаловать в «Слово современной классики».

В книге присутствуют сцены распития алкоголя, табакокурения.

Содержание

Наталья Алещенко	7
Прости, но я ни в чём не виновата	10
Ты выдумал меня	12
Отпускаю тебя и прощаю	14
Эрика Алёшина	16
А сильных не любят	19
Скрытая эмоция	20
Город без снега	21
Письмо в детство	22
Дойти до счастья просто	24
Муза	25
Чёрно-белое искусство	26
Закулисье зимней ночи	27
Поэзия верности	28
Сказка «Три полушки»	29
«Не по-щучьему велению...»	32
Андрей Ардашев	33
Автор жив	36
Морозящим утром	37
Жизнеутверждающий пейзаж	39
Хвоей дышит Русь	40
Отшумела осени кадрили	41
Татьяна Бадакова	42

Скорбные звуки войны	45
Душа	49
Нэлля Баева	51
Отважным сыновьям...	54
Прямой наводкой	55
За Победу!	56
Римма Байтимилова	59
Соседка	62
Анна Биюшкина	67
«Наша песня давно уже спета...»	70
Цикл «Хроники Созвездий»	72
Татьяна Богомоллова	76
Превью из повести «Уносимые»	79
Денис Васильев	83
«И как бы ни было красиво...»	86
«Цветы живые выются у ручья...»	87
«Я слышу возгласы летящих силуэтов...»	88
«Разбужен Неба дышащей Купиной...»	89
«Я при луне веду дневник...»	90
«Беспечный, скоротечный...»	91
«В твоих щедротах утопая...»	92
«Забыв тревогу и усталость...»	93
«Ты родился не в меру понятным...»	94
«Я вижу здесь то...»	95
«Как белая метель...»	96
«Я мечтаю о том, что незримо...»	97

«Любви безответной отнюдь не бывает...»	98
Владимир Визгалов	99
Алтарь души	102
Явил Господь	103
Доброта	104
Поэт	105
Венский вальс	106
Созревшая любовь	108
Расставание	109
Сергей Волк	110
Истории Аламари	113
Лев Волков	126
Любовь запоздалая	129
Лидия Гортинская	134
Лес знает твой страх	137
Конец ознакомительного фрагмента.	150

**Слово современной
классики. Избранная
проза и поэзия**

Составитель

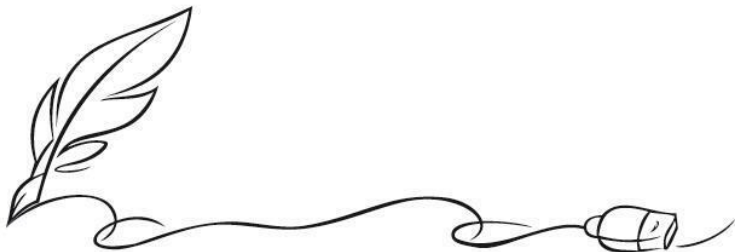
Екатерина Николаева

издательство

ЧЕТЫРЕ

© Издательство «Четыре», 2026

Наталья Алещенко

Родилась 20 октября в Южно-Сахалинске, проживает в

с. Плотниково НСО, НСР, в военном городке. Член РСП, поэт-песенник, член российских авторских обществ Москвы и Новосибирска. Лауреат I степени всероссийского фестиваля «Золотая струна» в номинации «Автор песни», победитель областных, международных и всероссийских фестивалей, областных конкурсов «Таланты народные» в номинации «Россия – Родина моя» и «Путь к храму» в номинации «Ещё раз о любви». Выпущено два сборника стихотворений, пять детских книг. Печаталась в четырёх альманахах «В моей судьбе история России», «Серебряные паруса», в сборнике стихов «Лирика сибирского края», в детском журнале «Весёлые герои», в сборнике поэзии и прозы для детей «Звезда упала на жука» и т. д.

Прости, но я ни в чём не виновата

Он уходил, не помню, сколько раз,
Захлопнув дверь, я отпускала.
Смотря в окно, не отводила глаз.
Мне было тяжело, но я молчала.
Молчала, когда снова приходил,
Брал стул, который прятала подальше.
Он обнимал и целовал, и он любил,
А я устала жить среди этой фальши.
Он много раз так искренне смотрел
И говорил: «Я бы хотел с тобой остаться,
Я бы с тобою рядом посидел,
Я не могу от счастья отказаться».
И я прощала, я иначе не могла,
Он брал цветы и молча ставил в вазу.
Зачем себе однажды солгала?
Зачем не отпустила его сразу?
И силы нет его совсем прогнать,
Неделя за неделей пролетали.
Об этом не хотела б я узнать,
Что уезжаешь ты, вчера сказали.
Душа заняла: Боже, почему
Нам суждено с ним так легко расстаться?
Стихи и песни одному ему,
Жить без него мне нужно постараться.
И я стараюсь, уже много лет,

Душа не отпускает, я ж смирилась,
Нет у любви секретов, есть ответ,
Любить на расстоянье научилась.
Всё чаще задаю себе вопрос:
«Зачем он появился в моей жизни?»
Он в душу влез, он в сердце моё врос,
Мне жить, любить его до самой тризны.
Но он вернётся, обязательно придёт,
Он постучится тихо в мои двери.
Увы, меня он больше не найдёт
И сам душою ощутит всю боль потери.
Он будет издали на мой подъезд смотреть
В надежде, что я выйду, как когда-то.
Ему захочется от боли умереть.
Прости, но я ни в чём не виновата.
Когда захочется ему меня обнять,
Сказать всё то, что раньше не успел.
Всю боль через себя пропустит, чтоб понять:
Не лечит время, поздно прилетел.

Ты выдумал меня

Не получилось, нет ни чьей вины.
Ты сам решил, а я предупреждала.
Ты выдумал меня – не оправдала
Твоих надежд в сентябрьские дни.

Ты не грусти, мы ж так знакомы мало,
Ты время не теряй, ищи судьбу.
Я тысячу примеров приведу,
Не пара мы, и спорить я устала.

Не будем больше говорить о том,
Что мы чужие – не родные души.
Мне тоже больно, ты меня послушай,
Найди любимую и приведи в свой дом.

Пусть в твоём доме будут смех и счастье,
И рядом женщина, любимая тобой.
Пусть одиночество проходит стороной,
И обойдут твой дом все беды и ненастья.

Ты выдумал меня – поторопился.
Не получилось, нет твоей вины.
Забудь меня... сентябрьские дни
И то, что ты ошибочно приснился.

Не надо, не звони, я всё сказала.

Ты выдумал меня – забудь, прости.

Я знаю, мне одной свой крест нести,

Но я тебе любви не обещала.

Ты выдумал меня – прощай, прости.

Отпускаю тебя и прощаю

Отпускаю тебя без боли,
Хоть и сердце разорвано в клочья.
Не хочу я тебя неволить,
Как волчица, живу одиночкой.

Разорвал мою душу на части,
Всё святое убил во мне.
Мы когда-то смеялись от счастья
И сидели вдвоём в тишине.

А когда-то любимой была я
И тебя одного любила.
Но стена между нами глухая,
Незаметно встала, незримо.

Было больно, и сердце стонало,
Жгло внутри, выжигая душу.
По кусочкам себя собирала
Вечерами в зимние стужи.

Ты был счастлив опять с другою,
Назло мне на глаза попадался.
До неё я ходила с тобою,
И одной мне в любви ты клялся.

Отпускаю тебя и прощаю
Я за боль и за счастье в судьбе.
И ночами тебя заклинаю.
Чтобы ты позабыл обо мне.

Чтобы вырвал из сердца с кровью
И не смел никогда вспоминать.
Ты не стал долгожданной любовью,
Не хочу тебя помнить и знать.

Эрика Алёшина

Творческий псевдоним Татьяны Ивановны Тарасовой.

Родилась в 1972 году в Красноярске. Логист, волонтер, сотрудничает с библиотеками и советами ветеранов. Автор книг «Твоя волшебная книга» (стихи для детей) и «Мои стихиИ».

Достижения в конкурсах:

– I место на Всероссийском конкурсе ГМПП им. Ф.Т. Селянина;

– II место на районном конкурсе чтецов;

– «Твоя волшебная книга» награждена дипломом минкультуры Рязанской обл. на фестивале «Читающий мир» (2025), а также получила III место в межрегиональном конкурсе «Пусть всегда будет книга» в Нижнем Новгороде;

– I место в конкурсе «Прикосновение осени»;

– лауреат международного конкурса «Талантливая женщина в современной индустрии»;

– I место в конкурсе «Комета-2025» изд-ва «Авторское содружество».

Участник сборников «Поэтический буклет», «Победа за нами» и др.

А сильных не любят

А сильных не любят, они неудобны,
Не плачут наглядно, не строят мосты.
Отчасти стене нерушимой подобны,
Держащей неведомой силой кресты.

Они книжным полкам сродни самым прочным,
Хранят в своей памяти тысячи фраз,
Холёно-слащавых, с эффектом побочным,
Что горечью суть превращает в сарказм.

Под музыку сильных никто не танцует,
Не льётся она звуковой волной,
От сердца поёт, нежно душу врачует,
Бинтуя ожоги неслышной мольбой.

Они неудобны, не служат кумирам,
И их постулаты давно не в чести,
Не быются о лбы с искалеченным миром
За право быть сильным и сильным уйти.

Скрытая эмоция

Хочется силы, но нет разрешения.
Сонно зевают шальные решения,
глядя мечтательно в сторону вечности,
осознавая триумф скоротечности.

Внутренней слабостью точит под ложечкой:
– Это неправильно! Так не положено!
Жаждет сознание выпуклой нужности,
смелостью манит, но без оружия.

Как перед зеркалом, глядя на истину,
жизнь парадигму меняет, и мысленно
пишет ремарки к канве моей повести,
не задевая границ моей совести.

Город без снега

Серый город. Ночь без неба.
Дрожь холодного дождя
пробирает, и свирепый
ветер рвёт поводья дня.

Краски съело темнотою,
словно вымерли цвета.
Отправляясь за зимою,
в моду входит нагота.

И проносится с разбегу
неучтённая листва,
не приправленная снегом,
под эгидой естества.

Снег над городом крадётся,
забеляя серость крыш,
краски все доверив солнцу,
в тон рождественских афиш.

Письмо в детство

Привет, малышка, как дела?
Давно я в детство не ныряла,
Но вот сейчас вдруг поняла,
Как бесконечно я скучала.

Всё реже снится мне наш дом,
Где даже стены улыбались,
А свет над письменным столом
В тетрадь заглядывал, смущаясь.

Фортипианная игра
Кормила слух кривою нотой,
А голос папы до утра
Вещал застолью анекдоты.

А мы вдыхали запах книг,
Стеной воздвигнутых в гостиной,
И там же прятался дневник
С секретной двойкой, так наивно.

На гаражах нас ждал гудрон,
Который всем двором жевали,
За что от мамы был разгон,
Чтоб зубы все не растеряли.

Как я боялась карасей,
Которых папа нарыбачил,
И как любили мы гостей,
Весь класс ходил к нам, не иначе!

А помнишь баночный террор,
Что назывался терапией, –
Запатентованный декор
На спинах граждан всей России?

Там, в стёклах розовых очков,
Тебе пока не до сомнений,
Ещё не видно берегов
Серьёзных взвешенных решений.

И вновь стучится Новый год,
И папа с пихтой входит в двери,
И даже наглый рыжий кот
В своё кошачье счастье верит.

Дойти до счастья просто

А счастье за поворотом?
И дойти до него просто?
Главное, верит кто-то
и становится выше ростом.

Может, где-то оно рядом?
И до встречи шаги мерит?
Его можно достать взглядом.
Главное, в это верить.

Или сердце его прячет?
Не пускает блуждать в вечность?
Нужно верить, а как иначе
подселить его в бесконечность?

Муза

Пришла. Позвала: «Пойдём,
я тебе наготовила мыслей,
давай облечём их в смыслы
и в завтра перенесём.

Представь, как утроим день,
раздвинув в 3D сознание,
а вечером на прощанье
луною затушим тень.

Строфою пропустим ток
в сюжет нашей тайной книги,
оставив для снов интригу
из нескольких главных строк».

Чёрно-белое искусство

Сметая клавиши октаву за октавой,
Неся мелодию в восторженном полёте,
Играл рояль солидно-величавый,
С забвеньем отдаваясь каждой ноте.

А за окном стихия ускорялась,
Под темп этюда фа минор Шопена,
И всё смелее выюга заявлялась,
Борясь с больною осенью за сцену.

Разбрасывала с визгом хлопья неба,
Уснувшего под пледом цвета стали,
Кичилась белизною так нелепо,
Не признавая черноты рояля.

Но музыка отчаянно манила,
И с каждым звуком крепло примиренье.
В контрасте этой чёрно-белой силы
Зима и музыка слились в одно творенье.

Закулисье зимней ночи

Последний луч размазан по стеклу,
вечерний занавес уверенно сползает,
в плен захватив разбуженную мглу,
афишу дня безжалостно срывает.

Последний шорох листьев заглушив,
отчаянно на сцену рвётся ветер,
снег первый ангажировать спешит,
с дебютом чтобы выступить в дуэте.

А в воздухе глухая тишина
готовит предрассветную рекламу
к премьере. Ведь она приглашена
на первый ряд, у оркестровой ямы.

Там звуки какофонию плетут,
разучивая партию в квартете,
им нужен дирижёр, стихии ждут,
пока пустой партер грустит о лете.

Поэзия верности (*акrostих*)

Прелегают полосками времени
Отголоски поступков решительных,
Эскалацией личного мнения
Завышая сомненья значительно.
Идеальную строю гипотезу
Я, себя отправляя в поэзию,
Восхваляя умение гипофиза
Естество моё двигать в прогрессии.
Разобрать себя сложно на ценности,
Не задавшись вопросами нужности.
Отдаляясь от вечности брeнностью,
Состоится полёт по окружности.
Тишина снимет груз эфемерности
И расскажет о главном. О верности.

Сказка «Три полушки»

У Емелюшки в печи
Дозревают калачи,
На лице его веснушки,
А в кармане три полушки.

Ждёт Емеля Новый год,
Он на озеро пойдёт.
Там давно по преysкуранту
Щука в роли консультанта
Обучает коммерсантов,

Как им, лёжа на печи,
Заработать на харчи,
Стать чтоб первым на деревне,
Дабы свататься к Царевне.

Три полушки взяв в кредит,
На печи так и лежит,
Вот звенят они в кармане,
Мозг Емелюшке дурманя:

– Может, ну его, учиться?
Проще взять да и жениться.
Три полушки – капитал,
У меня – потенциал,

Я детина хоть куда!
Только вот одна беда,
По фамилии Дурак!
А жениться, как-никак,

Надо с паспортом идти,
А Дурак, как ни крути,
Для Царевны не ахти.
Взять фамилию не сможет...
Может, Щука мне поможет?

Только Щука не простушка,
Меньше чем за три полушки
Не исполнит волшебство.
Под угрозой сватовство!

Долго думал Емельян,
Как поправить свой изъян,
Чтоб Царевну покорить
Да полушки не спустить.

Только в сон его склонило,
Там и утро наступило.
Как же мягко на подушке.
Греют сердце три полушки.

А с фамилией такой
Он и сам себе герой.

Так на кой тогда учиться
И тем более жениться?

Хоть и сказочный Дурак,
Да в финансах сам мастак.

«Не по-щучьему веленью...»

Не по-щучьему веленью,
По Емелину хотенью
На кредитные полушки
Были куплены подушки,

Чтобы мягче было спать
Да о будущем мечтать.

Андрей Ардашев

Родился 25 июня 1965 года в Шостке (УССР). Поэт, жур-

налист, общественный деятель. Автор стихов на русском, украинском и английском языках. Начинал творчество ещё в юности, занимался авторской песней. Окончил ШХТТ, служил в армии на Дальнем Востоке, живёт во Владивостоке. Работал в электронных СМИ. В 2005–2007 гг. – сопредседатель Общественной палаты Владивостока, главред газеты «Собрание Приморья», гражданский эксперт международного форума Civil-8. Автор пяти поэтических сборников. Член РСП, финалист премии «Поэт года». Награждён орденом и медалями. Включён в антологии русской поэзии и энциклопедию «Поэты и писатели Русского мира: XXI век». Последние публикации: «Шанхай» (2024), «Образ» (2023), Альманах «Родина» Русского литературного центра (2025), Dovlatoff (2021), «Наследие» (2019).

Автор жив

В многоцветьях жанров и стилей,
Книг, скрижалей, сайтов-газет
Автор жив, пока не забыли
Слов под толщей наскальной пыли
Или почитатель-сосед...

Нет границ у вселенной мысли.
Жажде творчества края нет!
Только вместе живут поэт
И страницы, что в люди вышли,
Излучая душевный свет!

Морозящим утром

Морозящим утром
Середины лета
Дождь напомнил мудро
Осени секреты.
По ветвям зелёным —
Лозам старой ивы
Ветер катит слёзы
Щедρο и тоскливо.

В небесах как будто —
Серость покрывала...
В тучах беспробудных
Грусть заночевала.
Вымытые ветки,
Нрав сезонов зная,
При порывах редких
Свежестью вздыхают.

Верят, что не вечна
Летняя истома...
Лето скоротечно,
Как раскаты грома.
Но оно с дождями
Да палящим зноем —
Полное страстями,

Дорогого стоит.

Жизнеутверждающий пейзаж

Над приморской свежестью апреля
Солнцем упивается простор.
Лёгкий бриз снимает перебор
С нежных струн ручейного похмелья...
И сникает, путаясь в постелях
Томной синевы окрестных гор.

Так, с весной в оттаявшую душу
Сквозь туман сомнений и примет
Проникает благодати свет...
Умиротворенья не нарушив,
Плеск волны облизывает сушу...
И с сюжетом нянчится поэт.

Юношеской страстью окрылённый,
Рифмы и стопы ревнивый страж
Ловит вдохновения кураж
В естестве и в мыслях потаённых!
И рисует словом немудрёным
Жизнеутверждающий пейзаж.

Хвоей дышит Русь

В одеялах сказочного края,
Сотканных кудесницей-пургой,
Дни и ночи терпеливо стоя,
Ель – лесная крестница покоя –
Глубь сугроба меряет ногой.

В час морозный инеем белёсым
Дразнит солнца редкие лучи.
Лапы веток – кружевные косы
В бахrome сосулeк видят росы!
Помнят, как весной журчат ручьи.

Даже в стужу цвет не изменила
Временная пленница зимы.
И, даруя жизненные силы,
Ель в моей душе соединила
Ширь Полесья, дебри Костромы.

Стройные сибирские красотки...
В их натуре – гордость и печаль.
Пологом тайги укрыты сопки,
Где Уссури поймы и притоки...
Хвоей дышит Русь – святая даль!

Отшумела осени кадриль

На душе безоблачно и штиль.
Тишина в полях и на покосе.
Для берёзок, тополей и сосен
Отшумела осени кадриль.

Мудрый лес уже смиренно снял
Золота червонного убранство.
Замерло обветренное царство
В ожиданье белых одеял.

Чтобы не порвать сезонов нить,
Морось и дожди идут по плану.
А ещё белёсые туманы
По утрам заходят погостить.

Затрещит сорока не со зла,
Мол, зима и лето – не подруги,
А дневного солнышка потуги
Не дают надёжного тепла.

Год – к закату! Собран урожай...
В самый раз бездельникам-поэтам,
Ищущим в миру словесный рай,
Примиришь прохладу с ярким светом.

Татяна Бадакова

Родилась в Ханты-Мансийске. Стихи начала писать в

юности. Окончила курс «Литературное мастерство» преподавателя Литературного института им. А. М. Горького А. Воронцова.

Автор 13 сборников стихов и малой прозы. Публикуется в коллективных альманахах в России и за рубежом. Произведения переведены на английский, иврит, итальянский, китайский, немецкий и многие языки народов России и стран СНГ.

Лауреат Литературной премии им. М. Луконина (2025), Гран-при «Наследие литературы» (2025) и других международных литературных конкурсов. Отмечена почётным знаком «Золотое перо русской литературы» (2024), Почётной грамотой Правления Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Республики Калмыкия.

Член Союза писателей России и Международной гильдии писателей.

Скорбные звуки войны

Тане Савичевой

и городу-герою Ленинграду с любовью...

Январь. 2025 год.

Иду аллеей Пискарёвского кладбища.

Каждый, кто оказывается здесь, уже не будет таким, как прежде.

Медленно течёт время в этом месте.

Нет, оно остановилось.

А метроном¹ скорбным звуком отсчитывает время назад...

Бом – бом – бом...

Милая девочка, «я вернулась в твой город».

Я вижу тебя.

Я могу говорить с тобой.

Вот ты в ситцевом платице в синий цветочек идёшь вприпрыжку с мамой по Невскому. Сегодня воскресенье. Солнце играет с тобой в прятки: то появляется из-за туч, то исчезает. А ты в ответ ему прячешься за мамину спину и хохочешь.

Весна в Ленинграде в этом году была очень холодной, с

¹ В блокадном Ленинграде, когда дикторы радио не работали, звучал метроном. Быстрый темп ударов означал «Воздушная тревога», медленный – «Отбой».

затяжными дождями. Да и лето запаздывало.

А сегодня, двадцать второго июня, вдруг выглянуло долгожданное солнце. Природа, будто что-то предчувствуя, решила подарить людям солнечное тепло на долгую память о светлых днях. Да и к тому же выходной. Взрослые и дети, словно первые росточки зелени к свету, потянулись к своим излюбленным для прогулок местам: к фонтану в Александровском саду, на набережную канала Грибоедова или на главную магистраль города – Невский проспект.

В это утро тебя радует всё: и наступившее лето, школьные каникулы, улыбающиеся прохожие, и мама рядом. В мыслях ты уже представляешь тёплый вечер. Вся семья – бабушка, мама, сестрёнка и брат – за круглым столом, накрытым кружевной скатертью, под старинным абажуром собралась к чаю со сладостями, которые вы только что купили в кондитерской. Ох уж эти монпансье и плюшки! Из маминой сумки доносится аромат корицы, малины и простого детского счастья. От этого замирает сердце и с лица не сходит блаженство.

Но вдруг!..

Почему-то мамина рука крепко, до боли, как никогда, сжала твою. Так, что ты вздрогнула.

Солнце исчезло, будто почувствовало что-то недоброе. Тут же набежали, как вороны, чёрные тучи.

Всё вокруг замерло: остановились машины, трамваи, люди...

Наступила такая странная и страшная тишина, что ты невольно сжалась и стала оглядываться по сторонам. К чёрному репродуктору подходили люди. Их становилось всё больше. Они были уже совсем не те, что беззаботно гуляли в воскресный день. Но надежда не покидала: «Учебная тревога, что ли?»

Сообщение из репродуктора стало для всех зловещей стихией. И ты тогда в первый раз услышала непонятные пока, тревожные слова: «От Советского Информбюро...»

– Что это?

– Что такое «война», мама?

– А война – это страшно?

– Мамочка-а-а!..

Так же, как и вчера, как и несколько минут назад, зеленеют и цветут сады и скверы, где-то резвятся ни о чём не подзревающие малыши, ещё плывут прогулочные пароходики, но...

Время остановилось...

Только метроном²... Бом – бом – бом...

Женя умерла 28 дек в 12 00 час утра 1941 г

Бабушка умерла 25 янв 3 ч. дня 1942 г

Лека умер 17 марта в 5 час утр 1942 г

² Метроном – памятник сопротивления населения агрессии фашистской Германии.

Дядя Вася умер в 13 апр 2 ч ночь 1942 г

Дядя Леша 10 мая в 3 ч дня 1942

Мама в 13 мая в 7 30 час утра 1942 г

Савичевы умерли

умерли все

осталась одна Таня³

Бом... бом... бом...

Жива наша память. И скорбь. И Ленинград.

И моё признание: «Я люблю вас, ленинградцы!»

Сегодня на Пискарёвском – цветы.

Над Пискарёвским – солнце.

Каждый, кто оказывается здесь, уже не будет прежним...

Бом... бом... бом...

³ Из дневника Тани Савичевой.

Душа

Медленно падает снег...

Откуда прилетело к нам это чудо, нежное, чистое, светлое?!

Чей это подарок?

За что?

Или вопреки?

Как же приятно ощутить чью-то доброту, пусть даже Незнакомого. Будто мамины заботливые руки укрывают тебя тёплым одеялом. А ты съёживаешься, прикрываешь глаза от удовольствия и всё глубже погружаешься в тепло.

«Снег кружится, летает, летает...»

А может быть, Кто-то Там решил послушать эту чудесную песенку? И она Ему так понравилась, что превратилась в живую картинку?..

Или наш любимый Дед Мороз, пролетая над нами в своих чудесных санях, так спешил, так разгорячился, что ему стало жарко. И он, снимая свою тяжёлую волшебную шубу, нечаянно стряхнул с неё на нас пушистые снежинки?

Или...

А может быть...

Снег же, ни о чём не подозревая, падает нам на лица (все ведь непременно смотрят вверх), делает нас счастливее. Мы веселимся, прыгаем, хохочем, от радости у нас загораются

глаза, расплываются в улыбке лица.

И всё вокруг становится чище, белее, теплее (от холодно-го-то снега?!), душевнее.

А ещё я слышала, что Снег – это к людям вернувшаяся Душа...

Верю в это!

Нэлла Баева

Поэт, писатель, педагог, романтик.

Имеет два высших образования. Увлечена поэзией, живописью, цветоводством, туризмом.

Автор 18 исторических, познавательных, поэтических книг. Её произведения опубликованы в 142 сборниках и альманахах. Дипломант фестивалей, книжных ярмарок, конкурсов.

Награждена 20 медалями и 6 орденами – за патриотическое воспитание подрастающего поколения; за вклад в развитие литературы и укрепление культурных связей между народами; дважды золотой звездой «Наследие», нагрудными знаками «Золотое перо русской литературы», «Литературный Феникс», «80 лет Победы».

Академик, член-корреспондент Международной академии наук и искусств, член Интернационального Союза писателей и Российского союза писателей.

Отважным сыновьям...

За Русь Святую, за своё, родное
Парнишка бодро шёл на правый бой.
Ребят снаряды косят что косою.
Усы не проросли, а он – седой...

Для матери погибший сын – живой.
Осколком боли в сердце приютился.
В вечерний час, дневной или ночной,
Он рядом жить с душою умудрился.

Тяжело, забыть же невозможно.
Как забыть – стоит перед глазами.
Голос то весёлый, то тревожный...
Почувствуйте, не выразить словами.

Вечная память живым и погибшим,
Стоит кто на страже и ночью и днём.
Благодарны вам, воздух от свастики чище.
С Победой, родные, вас искренне ждём!

Пусть станет мир уютнее, светлее,
Для счастья женщины рожают сыновей.
Люди, будьте добрыми, мудрее.
Довольно гроз военных и смертей!

Прямой наводкой

Тела осколками снаряд крошил,
Злостную имел повадку.
Жизнь бойца хирург продлил:
Со смертью после схватки.

Вздохнул прерывисто солдат.
Смерть крючья-лапы отпустила.
Уйма сделана врачом «заплат»,
Операция отняла много силы.

Вытер пот со взмокшего лица.
Окровавленные снял перчатки.
– Живи, сынок! Благодарю Творца.
Минуту отдохну я после схватки.

Снаряд прямой наводкой угодил
В большую медицинскую палатку...
Браг живучести солдату не простил.
С ненавистью трудно играть в прятки.

Впадина осталась от снаряда.
Обрывки тел вокруг, медикаменты.
Для «брата» бывшего – немалая улада:
Затмили разум еврокомплименты.

За Победу!

Мысль материальна изначально.
Силу мощную и твёрдую имеет.
Её направить нужно специально
На Победу, что сердца согреет.

Отбросьте злость, что жить мешает.
Мысли добрые ребятам посылайте.
Они добро солдатам пусть вещают,
Отвагою их души наполняйте.

Между сердцами надо нити протянуть,
Теплотой, спокойствием наполнить.
Тяжёл и грозен сыновей военный путь.
Что любят, дома ждут – напомнить!

К сыну, мужу мысли обращайтесь.
Без посредников нужно обходиться.
В суть человека, разума вникайте,
Теплом сердечным чтобы поделиться.

Не надейтесь на посредников, поверьте.
Что им рыдания жён и матерей.
Им плевать на все людские смерти,
Для них людские души как трофей!

На волну родных людей настройтесь,
Пусть чувствуют заботу тыла.
Жёны, матери, невесты, успокойтесь,
Чтобы волна любви Победой озарила!

Отдадим частичку силы и тепла,
Указывая в мыслях путь к Победе.
Уменьшится на свете многократно зла.
За землю, сыновей мы все в ответе!

Доброй мыслью, люди, поделитесь.
Пусть лучезарно аура сияет.
От спячки, безразличия проснитесь.
Сила дружной мысли побеждает!

Едины духом – всегда непобедимы.
Душой и мыслями поддержим солдат.
В дни тяжёлые должны мы быть едины:
Восторжествует дух Победы во сто крат!

Никто не даст нам сил со стороны.
Должны мы сами в этом постараться.
Ради детей, любимых и страны
Совесть не терять, людьми остаться!

Кому Матушка-Россия дорога,
В горах живущих, где-то на долине,
Мысль о Победе направьте лишь туда,
Где парни жизни не щадят отныне.

Шальная пуля где сражает наповал,
Огнём адским земли полыхают,
Где свой последний жизненный привал
Находят парни, что о любви мечтают!

Победы лавры близки, не далёки.
В свои силы нужно верить и в добро.
Есть друзья у нас. Мы не одиноки.
Россию вечность и Победа ждут давно!

Римма Байтимирова

Родилась в Орске (Оренбургская область). Живёт в Орен-

бурге. По образованию – инженер-строитель и юрист. Посвятила жизнь семье, воспитала двоих сыновей и успешно работала по основной специальности.

После потери супруга нашла спасение в писательстве. Сначала – личные воспоминания, затем басни, любовные рассказы и весёлые истории о «приколист» Феде, созданные для поддержки духа в пандемию.

Долгое время её творчество знали только близкие, пока брат не посоветовал делиться работами в соцсети. Появились первые читатели, затем – публикации в местной газете.

Теперь, участвуя в различных литературных проектах и конкурсах, Римма чувствует, будто обрела крылья, и с радостью представляет своё творчество новой, большой аудитории. Автор книги «Жила-была девочка...».

Соседка

Владимир Николаевич окунулся в воспоминания.

Вот и прошло сорок дней, приехал сын Дмитрий, ходит молча. Владимир понимает его, тяжело ему. Но что делать? Ему тоже не легче.

Владимир Николаевич дослужился до полковника, был начальником одного из отделов УВД. В последние годы они с Ксюшей жили вдвоём. Сын – военнослужащий, живёт с семьёй в другом городе, приехал в краткосрочный отпуск, чтобы провести поминки. После поминок, когда посуда была убрана, сын зашёл к отцу в кабинет и сразу, без отступлений, по-военному сказал:

– Батя, ты меня пойми правильно. Я не отказываюсь от тебя, но жить вместе мы не должны. Два поколения редко уживаются. Поэтому говорю сразу, найди себе подходящую женщину, женись. Ты не должен быть один!

– Что такое ты говоришь? Я и не собирался жить с вами. И вообще, о чём ты? Какая женщина? Как ты себе это представляешь? – возмутился Владимир Николаевич.

– Очень просто! Ещё раз говорю, что человек не должен жить один! Погостить я тебя приглашаю, но не более. Ты ещё молодой мужик, найдёшь себе спутницу, – спокойно сказал сын. – Мама была бы довольна, что ты не один.

Такой разговор произошёл у него с сыном около двадцати

лет назад.

Он пришёл с прогулки и открывал свою дверь, которая выходила на площадку, как это было во многих квартирах советского времени. Услышал грохот, ругань и нецензурную брань. По ступенькам бежала женщина, за ней гнался неприятный пьяный мужчина с полотенцем в руках. Владимир Николаевич открыл дверь и жестом позвал женщину, она заскочила, а он встал между ней и этим хулиганом. Тот замахнулся, чтобы ударить, но не зря Владимир Николаевич столько лет служил в милиции – он быстро справился с дебоширом и его же полотенцем связал ему руки. Мужчина закричал, что вызовет милицию, на что Владимир Николаевич ответил:

– Она уже здесь!

Тот испугался, перестал орать и начал умолять простить его:

– Командир, ну ты пойми, чего только не бывает между мужем и женой! Отпусти, обещаю, пальцем не трону!

Владимир Николаевич зашёл в квартиру, захлопнув дверь перед носом мужчины.

– Давайте знакомиться, соседка! – сказал он.

Она застыла, не зная, что сказать, как себя вести, что делать, и только пролепетала:

– Можно я пойду домой? А то потом мне будет хуже. Я-то его знаю не один год.

– Не беспокойтесь, хуже не будет! Меня зовут Владимир Николаевич.

– Меня Наташа, ну... Наталья Ивановна, простите. А что скажет ваша жена, когда вернётся домой? – проговорила соседка.

– Она уже никогда не придёт, к сожалению, – ответил Владимир Николаевич, и на глазах у него навернулись слёзы.

– Простите, если сделала вам больно... – сказала женщина, боясь сказать ещё что-то неуместное человеку, который был к ней очень добр.

– Проходите, Наталья Ивановна, сейчас будем пить чай и немного поговорим, если не возражаете.

Наташа очень переживала и нервничала из-за сложившейся ситуации. За долгие годы с ней мужчина, можно сказать, разговаривает по-человечески, в домашней обстановке. Жизнь у неё не мёд, с самого рождения и до сегодняшнего дня с небольшими перерывами она испытывала домашнюю тиранию. Отчим, пьяная мать – и от такой жизни Наташа сбежала к Виталию. Это был красивый, статный парень старше её лет на десять. Он работал таксистом. Ничего другого, кроме как «крутить баранку», как он говорил, не умел. Поначалу всё было хорошо, у мужа были неплохие заработки, они купили кооперативную квартиру, родились две дочери. Но в его окружении оказалось много женщин и друзей, что были не прочь за его счёт выпить и закусить, короче – рубаха-парень. Да ещё и страна, которая казалась нерушимой, стала разваливаться. Кто-то остался без работы, кто-то по полгода не получал зарплату. И жизнь Наташи опять по-

шла под откос. Младшая дочь часто болела, в итоге они её потеряли – денег на операцию не было, а без этого лечение было невозможным, и девочку не спасли.

Наталья была хорошей мамой. Она, сама испытывавшая дефицит материнской любви, уделяла девочкам много внимания. После потери дочери муж стал пить, заливать горе. Так он начал спиваться, таксопарк тем временем развалился, работы не стало, свою машину он по пьянке разбил, одно хорошо, что остался жив.

А сейчас она сидит перед посторонним незнакомым мужчиной и рассказывает о своей жизни. Странно, но он как-то располагает к себе и ей хочется всё ему рассказать.

– Спасибо, что выслушали меня, – сказала Наталья, заканчивая мыть посуду.

Владимир Николаевич обратил внимание на то, что она сразу взялась убирать со стола, это ему очень понравилось. Наталья засобиралась домой.

На следующий день Владимир Николаевич пошёл проведать свою подопечную. Дверь открыла Наталья Ивановна – под глазом у неё был синяк, который она прикрывала платочком.

– Что случилось? Хотя и так ясно! Не объясняйтесь, соберите свои вещи, документы и пойдёте со мной.

Наташа растерялась и никак не могла решить, что ей делать. Она знала, что Виталий проспится и опять будет её гонять, а этот человек проявляет заботу о ней, и у неё ещё вче-

ра возникло какое-то доверие к нему.

Когда Наташа решилась и пошла на выход, Виталий очнулся и кинулся за ней. Между ними встал Владимир Николаевич, и Виталий отпрянул.

Оторвала от воспоминаний Владимира Николаевича его Наташа.

– Ты где, любовь моя?

Вот уже около двадцати лет они вместе, рады каждому мгновению рядом друг с другом.

– Скоро гости, а мы с тобой ещё не всё подготовили, моё солнышко, посмотри по списку, не забыли ли мы чего, – ласково сказала Наталья Ивановна.

Он был безмерно рад судьбе, что она подарила ему этих двух женщин, совершенно не похожих друг на друга. Но они ему дороги обе. Ксения была жёстче, сдержаннее, родила ему прекрасного сына, его гордость! А Наташа – это его нега, в которой он растворяется, и ему очень хочется жить и быть с ней бесконечно! Она так скрасила его старость, что он и не чувствует, сколько ему лет! А вот уже восемьдесят!

Юбилей прошёл прекрасно, всё было как в сказке, так, что хочется сказать: «И я там был...»

Хорошо, когда люди находят друг друга, как в этой непридуманной истории.

25 октября 2020 г.

Анна Биюшкина

дилась и выросла в Нижегородской области. Окончила НГ-СХА в 2022 году по специальности «агрономия», в 2024-м – ФГБОУ ВО РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева по специальности «садоводство» по направлению «ускоренные технологии селекции растений». Учится в аспирантуре. Работает научным сотрудником в лаборатории в ФНЦ «ВИК им. В. Р. Вильямса».

Принимала участие в конкурсах имморт-фантастики, в международном молодёжном конкурсе научных и научно-фантастических работ «Горизонт 2100».

Участник девятнадцати коллективных сборников. Стоит в литературном клубе «Творчество и потенциал» (СПб.). Награждена различными грамотами и медалями от издательства «Четыре».

Автор сборника стихотворений «Мелодия моего сердца» и книги «Хроники Созвездий. Книга 1. Пророчество».

«Наша песня давно уже спета...»

Наша песня давно уже спета,
Друзья остались только в памяти,
Всё исчезнет, как дым средь полей,
Но это было время юности-мечты.
А сейчас скована моя отвага,
И эмоции все давно заперты,
И каменным стало сердце, полное любви,
Это мои задавленные чувства кричат в глубине души.
И мир жестоко нас всех подавил,
Обезличил, сделав всех пустыми,
Но, может, будет новый гимн
Той жизни, которой мы не жили.
Может, дети наши или потомки
Разрушат души, окаменевшие слегка,
Ведь нелёгким был наш путь-борьба,
Строили мы новую страну на века.
И было нам тяжело понять самих себя,
И дети не станут подобием нам,
Ведь они не растворятся в других, как мы,
А будут совсем иными – чувственнее, чем ты.
И не сыграют они в навязанные игры,
В ролевых моделях, что мир нам начертал,
И не подавят истинную силу энергий,
Что в нас до сей поры дремал.
И нет в детях наших того стыда,

Что мы испытывали за тела свои,
И прятали их под одеждами,
И ходили, как крючки в толпе.
Нет в нас той кристальной чистоты,
Той смелости души в храбрецах,
И нет в нас огня в сердцах,
Что затмили даже звёзды.
Освободить себя не сможем мы,
Но наши дети храбрее, чем мы,
Разрушат навязанные нам паттерны
И станут совсем другими.

29 октября – 6 ноября 2025 г.

Цикл «Хроники Созвездий»

Книга 2. Поиск истины

(отрывок из романа)

Рогнеда, увязая по щиколотку в воде и грязи, вышла из туннеля и прислушалась.

Позади неё кто-то шёл.

Шаги были чёткие и размеренные. Так мог ходить только мужчина.

«Ярополк», – мелькнула мысль. Странно, но теперь девушка чувствовала только ненависть к нему, от бывшей симпатии не осталось и следа.

«Он убил всех моих служанок и... няню», – подумала она, с трудом идя по ледяной воде по направлению к лесу.

Тёмный лес у воды тревожно шумел. На небе появилась кровавая полоса – начинался рассвет.

Девушка только ступила на песчаный берег, как услышала присвистывающие звуки.

Она оглянулась. У входа в пещеру стоял Ярополк и недобро ухмылялся.

– Рогнеда! – крикнул он. – Куда же ты бежишь? Вы же сами дали мне согласие на брак.

– Ненавижу! – процедила принцесса сквозь зубы.

– Не слышу, красавица! – Ярополк приставил ладонь к

уху.

– Будь ты проклят всеми духами Тейнона! – вырвалось из уст Рогнеды. – Как ты мог напасть на моё убежище? – Эти слова принцесса крикнула на бегу, ныряя в спасительную тёмно-зелёную завесу леса.

– Такие строптивые мне больше нравятся. Тем приятнее будет ей овладеть, – промолвил Ярополк, почувствовав, как в нём вскипела кровь и возникло страстное желание овладеть девушкой.

Князь кинулся за ней следом.

Ноги то утопали в зелени травы, то погружались во влажный мох, оставляя на нём предательские следы, то жадно зачерпывали воду из мелких ручейков и родников – погоня была за её спиной.

Тяжёлая коса била по спине, словно кнут, напоминая, что нельзя останавливаться ни за что.

Не раз и не два Рогнеда вспоминала Лидера благодарным словом во время погони, нестати вспомнив, как он жёстко тренировал её в детстве и тайно встречался с ней на Тейноне после побега.

Девушка уже примерно понимала, сколько ей осталось бежать до заповедного места, как Ярополк, сделав из последних сил рывок, повалил её на землю.

– Попалась, моя строптивая голубушка? – прошептал он нежным противным голосом и поцеловал принцессу.

Рогнеда пребольно укусила его.

– Ах ты сучка! – Он отвесил мощный удар по щеке, разъярённая девушка зарядила коленом ему в пах и, вспомнив уроки Будимира, вырубил его и, с трудом поднявшись, медленно побежала дальше.

Во рту был сильный солёный вкус – она прокусила щёку во время пощёчины.

«Наконец-то», – подумала принцесса, увидев заповедное место.

Впереди было озеро с торчащими из воды деревьями, над которыми курился плотный светло-серый туман.

Только она и Будимир знали, что на самом деле под обманчивой глубиной вод находились огромные камни, по которым можно было перемещаться по воде. Но из-за сильного тумана никто и никогда не ходил там, и места были неизведанные. Говорили, в тех местах жили духи Тейнона и там пропал единственный сын Верити-Мирославы.

Принцесса усмехнулась, ступив на камень под водой.

Сын её покойной тёти был Лидером Снайдером для галактики и Будимиром Витерсандом для Тейнона. Но считалось, что в тринадцатый день рождения Будимир пропал. Народ шептался, что король убил его, чтобы у его наследницы престола не было соперников.

Но она не будет королевой. Она станет регентом при его детях.

Так они договорились между собой ещё в детстве, скрепив клятву древним обрядом, за нарушение которого после-

довала бы страшная кара от духов Тейнона.

«Туманные Воды – наш дом. Если что-то случится, беги туда. Там мы всегда найдём защиту», – прошептал голос Будимира в голове Рогнеды, когда принцесса скользила по поверхности серой воды, оставляя расходящиеся круги. Вскоре туман окончательно скрыл её.

Кто-то ухнул в лесу, и оттуда донёсся истошный вопль Ярополка.

Вскоре к воде вышел инодраконус – особый вид дракона, что похож одновременно на человека-амфибию и рептилию. В тот раз он выбрался побродить по лесу и наткнулся на князя, жестокого Ярополка, склонился над ним и напугал его так, что тот убежал от него не разбирая дороги. Вернулся он в своё место обитания на озеро и почувал, что кто-то испуганный бежал по воде в туман. Заинтересованный, он нырнул в озеро и поплыл в туман, туда, куда направилась Рогнеда.

Татьяна Богомолва

Прозаик и публицист, автор более десятка книг, участ-

ник сборников художественной прозы в России и за рубежом, член союзов писателей (в том числе зарубежных), лауреат российских и международных литературных конкурсов, главный редактор журналов МТО «Поток» и издательства «Поток», коуч 7-уровневого эксклюзивного писательского тренинга «Потоки», академик Международной академии развития литературы и искусства, «Писатель года» (2023), дважды финалист Российской литературной премии журнала «Российский колокол».

Награждена знаком «Серебряное перо», медалями Толстого, Чехова, Юрия Нагибина, «460 лет книгопечатанию в России», «За культурное просвещение», орденом «Литературное единство». «Заслуженный писатель России» от Союза деятелей культуры и искусства. Отмечена грамотами и благодарственными письмами.

Превью из повести «Уносимые»

Люди сновали по улицам, вываливаясь из магазинов с полными сумками. Декабрьский воздух, казалось, был наэлектризован предвкушением радости предстоящего новогоднего торжества. Нередко можно было видеть на улицах мужчин, изображавших Дедов Морозов: дурачились для своих компаний.

Красивая женщина средних лет радостно улыбнулась мыслям, хитро прищурилась, с минуту постояв возле своего автомобиля. В последние дни ей казалось: либо она держит некую жар-птицу за хвост, либо вскоре увидит крах своей недавно взметнувшейся ввысь карьеры. Это не печалило её: ведь год назад впервые в жизни Жанна открылась приключениям, новизне и хотела этого всё более и интенсивнее. И именно в прошлом году она всё ещё жаждала кардинальной новизны в своей личной жизни, а отсутствие перемен устремляло её к поиску компенсации хотя бы в сфере работы. Будучи женщиной рациональной, Жанна всё же придумала запасной вариант, куда мягко приземлится, если на работе что-то пойдёт не так.

Взглянув на пакеты и сумки пробегающих мимо неё людей, Жанна на мгновение нахмурилась, но бодро ринулась к своему дому. Именно сегодня вечером она хотела разложить деньги по красивым коробочкам, чтобы вручить родным и

подруге к празднику дней через десять. Молодая женщина редко кому дарила вещи и предметы, однажды поняв, что чаще всего люди не умеют угадывать чужие желания. Ей и самой было предпочтительно получать знаки внимания к себе деньгами.

В коллективе, где работала Жанна, была давно заведена традиция – дарить подарки по праздникам директору организации. Это было одной из слабостей Владимира Германовича. Все новенькие, узнав об этом, немного возмущались, но покорно присоединялись к этому неписаному закону. Не требовалось много: заместитель директора оповещал всех новых сотрудников о границах суммы на подарок. Жанна неизменно дарила директору только деньги.

Но в прошлом году она отступила от своего правила и преподнесла шефу детский синий комбинезон для новорождённого. Мысль о таком подарке пришла в её разум спонтанно, она засыпала и просыпалась с нею, как с навязчивой идеей. Желание настолько неотступно преследовало её, что Жанна наконец решилась.

В этом году женщина не раз вспоминала о своём безумном поступке, положившем начало переменам с её работой. Всем было известно, что Владимир Германович – женатый, счастливый в браке импозантный мужчина средних лет – был удачливым предпринимателем, но его любимой жене уже несколько лет не удавалось родить ребёнка. И подарить бездетному мужчине, переживавшему об отсутствии наслед-

ников, детскую вещь было своего рода плевком, садизмом в его сторону. Но Жанна всё-таки решила в прошлом году пойти ва-банк. Возможно, этим поступком она хотела дать себе пинка и сдвинуть с точки стагнации: уйти наконец из организации, где почти за девять лет работы она не продвинулась ни в карьерном росте, ни в зарплате, хотя та и выдавалась лично директором в долларовом эквиваленте. Так что в большей мере согласилась Жанна с преследующей её мыслью о необычном подарке директору как с поводом покинуть своё немного поднадоевшее место работы.

...Уже перебирая дома деньги, раскладывая их по списку, женщина внезапно снова отдалась яркому воспоминанию о прошлогоднем эпизоде с Владимиром Германовичем. О том, как она впервые дерзкой походкой вошла в его кабинет, уверенно посмотрела ему в глаза и протянула детский синий комбинезон, который был затейливо упакован в прозрачную золотистую сумку и перевязан красивым бантом. Приготовившись выдержать яростный, злой взгляд своего начальника, Жанна опешила от какой-то кроткой, застенчивой интонации в словах благодарности директора, его глаз, в которых улавливалось удивление пополам с восхищением.

Её не уволили после окончания новогодних праздников. А в феврале коллектив узнал о рождении долгожданного первенца в семье Владимира Германовича. Это событие было шикарно отпраздновано директором в ресторане, куда он пригласил сотрудников своей организации. А через несколь-

ко дней после торжества Владимир Германович вызвал к себе в кабинет Жанну и в дружеской манере поведал ей о том, как передал её подарок беременной жене, как та несказанно обрадовалась ему. Они с супругой скрывали обстоятельства её беременности от всех, а жена не объявляла мужу пол ребёнка, о котором узнала на медосмотре. После же благополучных родов, о которых врачи заранее не предвещали ничего хорошего, жена поведала супругу о том, как она воспрянула духом, когда увидела детский комбинезон, подаренный человеком с работы мужа. Ведь никто, кроме них двоих, ничего не знал о её беременности, тем более о том, что будет мальчик, было известно лишь ей. Эту детскую вещицу жена директора отметила для себя как знак Свыше о благополучном исходе беременности и неотступно верила этому прогнозу.

Директор повысил Жанну до начальника отдела, незадолго до этого уволив с должности её предшественника. Все знали, что тот плохо работал, но замена ему не находилась. И вот – случай. Нет, закономерность. Она взрывается всегда неожиданно, как чудо. Кому-то новогоднее, другим – в затерянных беспросветной рутинной буднях сверкает вдруг, как молния. Подарок от Вселенной, как награда. Или что-то ещё...

Денис Васильев

Родился во Владивостоке, где проживает и поныне. С

детства автора отталкивала беллетристика, он думал – почему люди мыслят так плоско...

Занимается творчеством с отрочества: юмористические рассказы, фэнтези и т. д. В ранней юности стал писать стихи духовной тематики, а также рассказы с духовной подоплёкой.

Участник множества проектов от издательства «Четыре».

«И как бы ни было красиво...»

И как бы ни было красиво
Лицо неправды в парандже,
Пусть ивы, приклонясь плаксиво,
Роняют капелек драже,

А если грим несовершенства
Вдруг смоем дождик проливной,
То правды чистое блаженство
Небес возляжет синевой,

Перечеркнёт судьбы проулки
И города с папье-маше,
Шаги в которых были гулки,
Их эхо не слышно уже,

И правда, распутивши крылья,
Орлом кружится над землёй,
Пернатою швыряет былью
В мир зачарованно-пустой.

«Цветы живые вьются у ручья...»

Цветы живые вьются у ручья
Набегом ослепительного счастья,
Кто вдохновлён причастьем в сыновья,
Тот к миру погребений беспристрастен.

Да власть земную, что гребёт края,
За правду непритворную карая...
Во льдах закона право-попынья,
Но ваш ледник в наш океан растает.

И в океан, как в зеркало небес,
Познанием тайн, как в бездну, окунаясь,
Пронзая гнётом правды мёртвый лес,
В Любви сердца имущим признаваясь.

И задрожала изгородь судьбы,
Лишь промысел вошёл в твой заповедник,
И повлеклось в движение тропы
Стремленье дум, что ты чудес наследник.

«Я слышу возгласы летающих силуэтов...»

Я слышу возгласы летающих силуэтов,
Они, как дымка, растворяются в пути,
Они уходят в прожитое лето,
А мне к весне дорогой осени идти.

Я напишу в песках зыбучих алгоритмы,
Чтобы по углям в полымя ступать,
Так дай мне лезвие безжалостнее бритвы,
Чтоб раны совести удачей заживлять.

Чтоб ветви огненных побегов
Запомнили руно одержанных побед,
Чтоб ночью ослепительнее снега,
Да посбывались сны, дарующие Свет.

«Разбужен Неба дышащей Купиной...»

Разбужен Неба дышащей Купиной,
Собравшего высоты Бытия,
Любви негаснущей окутанный лавиной,
Огнём Буяным-сердца за края.

Дыханием весны раскрыть соцветия
И всполохи на небе рассыпать,
Да небывалым очаги затеплить,
А пеплом на ладони пасть.

Да мертвецов, похоронивших Солнце,
У изголовья ночи посадить,
Чтобы бельмо всевидящего лонца
В его же пирамиде схоронить.

А свой зенит – Краеугольный Камень
Восторженно душой благословя,
Чтоб дорождённо отворилась память,
На здешней дату в изголовье становя.

«Я при луне веду дневник...»

Я при луне веду дневник,
А в солнечных лучах его читаю,
При звёздах я о том мечтаю,
Чтоб пламенел немой язык.
Богатыри чтоб на брег посходили,
Где изваялся новый материк,
И под совы летящей крик
Свою удачу находили,
Которой званых наградили,
В избрание окрасив лик.
Да чтобы песнь неслась, как эхо,
До нескончания времён,
И после мира похорон,
Вобрала вечность-колокольчик смеха!
Ведь мир – стена, и в нём прореха,
Через которую святые смотрят из икон.

«Беспечный, скоротечный...»

Беспечный, скоротечный,
Пел времени прибой,
У зеркала, где вечность
Любуется собой,

А что никак не гасло,
Осталось навсегда,
В родник живого счастья
Нас окунёт звезда,

По верным отходную
Архангел пропоёт,
И в сказку золотую
Треть ангелов войдёт.

«В твоих щедротах утопая...»

В твоих щедротах утопая,
Раскинулся воскресный день,
И я летел, преград не зная,
Под солнца луч и неба сень,

Сокровища лучей лобзали
Моё ожившее нутро,
Орудием нездешней стали,
Что жаром струн закалено,

И музыка в груди играла,
Беспечным сердце становя,
И каждым звуком наполняло,
Без слов со мною говоря,

Я несказанно счастлив доле,
Что выпала благодаря
В мою землю горстке соли,
И доблести поводыря.

«Забыв тревогу и усталость...»

Забыв тревогу и усталость,
Затеплился в груди огонь,
Что обращает в пепел старость,
Сжимая юную ладонь,

И поле зрело урожаем,
И осень наполняла дом,
И строк летела вольных стая,
И будоражил сердце гром,

И лепестки, раскрыв соцветие,
В объятия приняли меня,
Что не учли тысячелетия,
Объяла формула твоя,

А между тем листалась книга,
Где пламя сторожило сон,
В которой каждый проблеск мига
Являлся вечностью сторон.

«Ты родился не в меру понятным...»

Ты родился не в меру понятным,
В ту, которой отмерены дни,
На душе неотмытые пятна,
Там, где к ней прикасались они,

Ты идёшь, совершая дыханье,
По воде, что браздила корма,
Память – прошлого напоминание,
В настоящее стелет слова.

Станет будущим только не время,
Неминуемым, только не смерть,
Прорастёт сокровенное семя
В книге жизни нетленно гореть.

И воздастся не по заслугам,
А по милости вещей звезды,
Что на облаке сходит упругом
Над испариной талой воды.

«Я вижу здесь то...»

Я вижу здесь то,
Что за гранью предела,
Предела блуждающих снов,
Природа в пальто,
Давно постарела,
Нетлеющий сбросив покров,
Изнанка имён
Взрастила младенца
В эпоху последних времён,
Где вместо знамён
Висят полотенца,
Где стал эликсиром патрон.
Прищурилась мгла,
И посыпались звёзды,
На треть оскудел небосвод,
Клокочет смола,
Но покинуты гнёзда
Окрепших пернатых свобод.
Крылами в размах,
Да собой награждали
Тюрьмы мироздания удел,
В седых облаках
Тетиву обретали,
Где радуги мост возгорел.

«Как белая метель...»

Как белая метель
Мир одевала в саван,
Да тонкий лёд
Упёрся в берега,
Мы ждём апрель
В лучах нездешней славы,
Где свой народ
Удача сберегла.

Пустынный скит,
В котором бьётся сердце,
Вобрал в себе
Нездешние слова,
И я убит
Стрелою иноверца,
Где смерть скорбит,
Как верная вдова.

«Я мечтаю о том, что незримо...»

Я мечтаю о том, что незримо,
Не вмещается что в закрома,
Что не носит ни масок, ни грима,
Счастьем горести став от ума,

Мне не светит луна на прощание,
Просто молча глядит мне вослед,
Машет тонкой лукавою дланью
Над эпохами прожитых лет.

На вопрос моего подсознания
Мне ответит седая волна,
Что оближет песок мироздания
В лучах Солнца Воскресшего дна.

«Люби безответной отнюдь не бывает...»

Люби безответной отнюдь не бывает,
Любовь имеет свой ответ
Для тех, кто правду постигает
На протяжении строя лет.

И путь не в долготе измерен
И не в количестве следов,
А в том, как ты его намерен
Пройти, чтоб в вечность быть готов.

Владимир Визгалов

Родился в 1949 г. в пос. Скуратово – пригороде Тулы, про-

живает в Люберцах. Основное образование – инженер-электрик, автор ряда технических изобретений СССР. Печатается в коллективных сборниках РСП и издательства «Четыре». В 2025 г. его произведения вошли во французский альманах русской литературы «Dovlatoff в Париже» и российско-китайский сборник «Слово и дух». Поэт номинировался на премии «Русь моя», «Наследие», «Поэт года», «Писатель года», вошёл в шорт-лист международной премии «800 лет Великому князю Александру Невскому». Отмечен общественными наградами и дипломом Альфреда Нобеля. Член Интернационального и Российского союзов писателей и РОО «Творчество и потенциал».

Алтарь души

Алтарь души – не слиток золотой!..
Вся наша жизнь – разменная монета...
В молитвах Богу не найти покой,
когда в тебе мятежный дух поэта!

Все мы лишь гости, проходящие сквозь время,
в потоке вечности застрявшие на миг...
Для многих жизнь мираж, кому-то славы бремя,
кому-то шанс оставить свой след в сердцах других!..

2024 г.

Явил Господь

Явил Господь поэтам вдохновенье,
перстом судьбы указывая путь,
блаженным – таинство смирения,
монахам – смысл и православья суть...

Бог даровал учёным озаренье,
христопродавцам – горькую печаль,
народу русскому – великое терпенье
и только избранным – высокую мораль!..

2025 г.

Доброта

Доброты не бывает много!
Доброты не бывает мало!
Доброта – это светоч Бога
и Вселенской любви начало...

Доброта – это боль и тревога.
Доброту не измерь аршином.
Доброты не бывает много –
она совести нашей вершина!..

2024 г.

Поэт

Поэт являет – многогранность
души, ума и ярких чувств...
В нём злости праведной гуманность
и колкости неординарной грусть...

В нём наслаждения печальность
и боль безудержной тоски...
Поэт – своей эпохи данность
и раб до гробовой доски!

2025 г.

Венский вальс

Зал Золотой... В нём Вы со мной – в сиянье роскоши и
глаз –
на венской площади Карлсплац!..
– Ах, вальс, сударыня! Ах, вальс!.. Я пригласить желаю
вас,
в сей миг, любимая, в сей час!
Мой вам поклон! Ваш реверанс!
Уже Эвтерпы слышен глас... И грустный вальс уносит
нас...

Восторг! Какой восторг! Моя кружится голова...
К чему ненужные слова! Нас поднимает в небеса
вальс Иоганна Штрауса!..
И рвётся из души слеза, туманя сердце и глаза...
Вокруг лишь звёзды, вы и я... Едва виднеется Земля –
всё поглощает красота!..
Ах, чудеса! Ах, чудеса!..

О Вена-флейта, Вена-цитра, валторна венская и вальс,
позвольте мне ещё лишь раз
с любимой сесть в тот дилижанс...
Да-да, как в прошлый раз – у ратуши на Штефансплатц!
А получив последний шанс,
спеть в древних улочках романс под стук копыт –
любви романс...

О город музыки, для вас!

Я охмелел, я ошалел – от сладких грёз и высоты
своей несбыточной мечты!..

Но, слава Богу, рядом вы, мой ангел дивной красоты,
и лучезарной чистоты, и верности, и доброты,
из года в год дарующий цветы –
любви возвышенной благоуханные цветы!

2025 г.

Созревшая любовь

Непросто быть любимым и любить,
Опорой стать на подсознание тонком,
Быть самым нежным, самым добрым быть,
Отцом стать для любимой... и ребёнком!..

Созревшая Любовь не знает оправданий,
Не признаёт восторженных речей...
Она наш крест, и храм воспоминаний,
И боль души в бессоннице ночей...

2025 г.

Расставание

Я всё сказал молчанием своим...
Из глаз твоих катились слёзы:
от чувственного взгляда, рук моих
они, как листья, падали с берёзы,
как слёзы осени тоскливой,
промозглой, ветром обнажённой,
они вонзались в душу, мозг –
так плакать могут только матери и жёны!..

Как молот, сердце грохотало,
и боль рвалась, неистово хрипя...
Ты, осенив крестом меня, сказала:
«Пусть ангел и Господь хранят тебя!»
И я ушёл в ночную неизвестность,
как призрак, растворившись в тишине,
где только Бог, любовь твоя и верность
давали силы мне в неназванной войне!..

2021 г.

Сергей Волк

Творческий псевдоним Николая Зотова, педагога и фило-

лога с фундаментальным академическим образованием. Выпускник Института филологии и журналистики ННГУ, где он последовательно получил степени бакалавра, магистра с отличием и окончил аспирантуру по направлению «русская литература».

С 2018 года Николай посвящает себя написанию текстовых квестов для игрового приложения «Квестоманьяк», совмещая авторскую практику с научной деятельностью (работал младшим научным сотрудником в ННГУ). Параллельно он делится знаниями и любовью к филологии с учениками нижегородского Лицея № 180, где работает учителем русского языка и литературы.

Истории Аламари

(отрывок)

Долина реки Киак с высоты птичьего полёта напоминала посмертную маску. Некогда могучий и красивый Киак после обрушения Синего Купола уродливо и беспомощно извернулся, будто червь, растоптанный сапогом. Голубые прозрачные воды превратились в зловонный грязевой поток, который судорожно метнулся вправо, влево, разгромил берега... а затем мгновенно застыл, скованный вечными льдами. Теперь остатки русла Киака стали до странности похожи на впалые глаза и искривившийся в предсмертном стои-не рот. Невесть откуда появившаяся в долине неровная гряд-да холмов довершала жуткое сходство — она, словно изуродованный мерзкой болезнью нос, торчала посреди мёртвого лица долины. Засыпанные снегом погибшие леса, частично поваленные и поломанные многочисленными бурями, развитое воображение могло превратить во встрёпанные волосы и неприбранную бороду исполинского мертвеца. А чудом сохранившаяся в окружающем хаосе шахтёрская деревенька Сиу казалась теперь чернеющей бородавкой, угнездившейся на подбородке. Здесь доведённые до черты отчаяния, но не сломленные, а наоборот, окрепшие духом люди боролись за жизнь вопреки вечной зиме, окутавшей сотни миль вокруг... Низенькие каменные и деревянные домики были почти

полностью погребены под снегом и из-за этого практически сливались с окружающим пейзажем. Только закопчённые печные трубы, еле заметно дымившие день и ночь, говорили о том, что деревня ещё не погибла. Жизнь в этом забытом всеми богами месте, казалось, застыла, замерла, но всё же ещё теплилась, будто последняя искра когда-то ярко и жарко полыхавшего костра. Немногочисленные жители деревни нет-нет да и выходили расчистить снег вокруг своих убогих жилищ, чтобы в случае чего можно было добраться друг до друга да до шахты, в которой добывалась Кровь Камня. Иногда в скованном морозом воздухе раздавались приглушённые голоса, лязг кирок и заступов, а также унылый, монотонный, казавшийся погребальным звон кузнечных молотов.

В Сиу почти никогда не заглядывали посторонние. Да и что им было там делать? Иногда, правда, притаскивались из дальних стран группы искателей приключений и любителей исследовать непознанное, останавливались на отдых, а потом уходили, чтобы уже никогда не вернуться...

В один из унылых, до тошноты похожих друг на друга дней в Сиу заглянул странный незнакомец: худощавый, но крепкий и рослый мужчина легко и будто даже как-то небрежно съехал с холма на необычных, неизвестно в каких краях изготовленных длинных и узких лыжах. Он был похож на очередного странника-авантюриста, только вот те никогда не приходили в одиночку – уж больно опасен был путь

по заснеженной пустыне, а что было за её границами – так и вообще представить страшно. Кроме того, у незваного гостя практически не было с собой поклажи – искатели приключений всегда таскали с собой огромные тюки со всякой полезной и не очень всячиной, а у этого был лишь небрежно болтавшийся за спиной полупустой мешок. Зато у неизвестного было хоть отбавляй оружия: две хищно изогнутые сабли с высоко торчащими зубьями елманей, длинный лук, колчан, полный боевых стрел, несколько метательных ножей, кинжалов и топориков за поясом. Всё это наводило жителей деревни на мрачные мысли о том, что пришлый, не имеющий своего добра, но зато вооружённый до зубов, пришёл силой отнимать чужие пожитки...

Правда, обитатели Сиу были вовсе не из робких – такие бы просто не выжили посреди ледяной пустыни. Эти суровые, немногословные и всегда мрачно-серьёзные люди привыкли давать отпор врагам, правда, не себе подобным – двуногим, а хищным тварям, что частенько прибегали со стороны жуткого мёртвого города Хуфира... но сути это, в принципе, не меняло – деревенские могли постоять за себя.

Неторопливо подъехав к деревне, пришлый внимательно осмотрелся по сторонам, поправил серую повязку из плотной ткани, до половины скрывавшую его лицо, чуть-чуть сдвинул назад широкополую шляпу. К битве он, кажется, не готовился, ведь даже не коснулся своего угрожающего арсенала, который перед сражением следовало бы проверить.

Деревня встретила названного гостя мрачным молчанием... Некоторые обитатели приземистых домиков с осторожностью следили за пришлым через узенькие окошки, толстые стёкла которых были обманчиво мутны. Другие уже готовили оружие – луки, арбалеты, копья, топоры и тесаки. Никто не собирался выходить навстречу чужаку: в деревне Сиу дружелюбие и гостеприимство давно уступили место подозрительности и холодному, как окружающий мир, расчёту. Незнакомца, правда, такое пренебрежение его персоной отнюдь не смутило. Мужчина легко оттолкнулся тонкими палками от плотной корки наста и уверенно проскользил на узкую улицу. «Эй! Я пришёл с миром! Мне нужен проводник, который хорошо знает город Хуфир!» – крикнул он на ларниакском языке. Жители Сиу вполне сносно знали язык страны-гиганта, с которой у их предков были крепкие торговые связи, но отвечать никто не собирался. Дураков не было.

Многие искатели приключений (а вернее их назвать искателями проблем на свои несчастные задницы) тоже желали нанять в Сиу проводников, которые могли бы довести до Хуфира. При этом сулили огромные суммы денег... Удивительно, но в этом полумёртвом, захудалом местечке деньги ценились так же высоко, как и по всей остальной Аламари. И поначалу находились охотники рискнуть ради них жизнью. Проводники уходили вместе с отрядами авантюристов и... больше их уже никто и никогда не видел. И это было вполне закономерно и объяснимо – мёртвый Хуфир был вовсе

не тем местом, по которому можно с улыбкой и без особого напряжения водить экскурсии любопытных туристов. Идти туда – значило добровольно согласиться на изощрённейшее по своей жестокости и болезненности самоубийство.

Пришлый не растерялся и на этот раз. Он снял со спины свой потрёпанный мешок, сунул в него руку и извлёк довольно внушительный кожаный свёрток. В глухой тишине мрачного морозного дня раздался еле уловимый звук... звон монет. «Я хорошо заплачу проводнику!» – крикнул незнакомец. Никакого ответа... Правда, во взглядах обитателей деревни, сверливших чужака, помимо страха, недоверия и злобы появилась теперь ещё и жадность. Многие головы пронзила одна и та же грязная мысль – прикончить этого очередного «туриста» и ограбить его труп.

Сидящие по домам люди начали прикидывать свои шансы. Действительно, пришлый представлял лёгкую мишень, казалось бы, ничего не стоило истыкать его стрелами... но что-то останавливало. Станный пришелец впускал страх. По его неторопливым, но чётко выверенным и даже красивым, плавным движениям, а также по его снаряжению становилось понятно, что залётный гость – бывалый воин. А если так, то он должен был понимать, что поставил себя в очень рискованное и уязвимое положение. А если всё-таки поставил, то, видимо, не просто так, а рассчитывая на свои силы... И меряться с ним этими силами никому из деревенских совсем не улыбалось. Кто привык ежедневно бороться

за свою жизнь, постоянно прибегая ко всевозможным ухищрениям, чтобы её сохранить, тот не любит рисковать... Тем более что неизвестный мог оказаться сильным магом. А от такого вообще не ясно, чего ожидать – превратит вместе с домом в горстку пепла, да и дело с концом. Горячие головы быстро остыли... Но встречать пришлого с распростёртыми объятьями всё равно никто не собирался.

Незнакомец обошёл со своим призывом почти всю деревню, но в ответ слышал лишь скрип снега под полозьями лыж да завывание налетавшего резкими порывами ветра. Неожиданно дверь самого маленького, убогого, покосившегося домишки отворилась, выпустив на улицу целую тучу бледно-серого пара. Из неё, будто заправский маг-иллюзионист, решивший удивить публику эффектным появлением, высунулся высокий, широкоплечий, но довольно худой старик.

– Будет тебе проводник, давай проходи! – крикнул он на ларниакском с едва заметным акцентом.

– Э... Да ты не слишком ли стар, чтобы идти со мной? – с долей насмешки спросил пришлый.

– А я и не говорил, что буду проводником! – недовольно ответил пожилой мужчина, тряхнув длинной белой бородой. – Давай заходи быстрее, а то тепло уходит! Сказал, что будет проводник, значит будет, а не веришь – так и проваливай отсюда к Хатару!

– Ладно, не злись, отец, я иду! – улыбнулся незнакомец и,

проворно сняв лыжи, заглянул в низкий дверной проём.

Глазам пришлого предстала практически пустая комната. Мебели не было совсем, только посередине стоял внушительного вида верстак с наковальней, а в дальнем углу – огромная, мерно гудящая печь. По стенам висела тёплая одежда, тут и там лежали горами всевозможные инструменты: топоры, кирки, буры, молоты, лопаты. Между ними примостились брёвна и доски, разноцветные камни, формы для выплавки, бочки с белым песком и желтоватой вязкой жидкостью.

– Эге, бедновато живёшь, дед... – присвистнул гость.

Старик прокашлялся, а затем обиженно буркнул:

– Это же холодная комната, вроде прихожей. Тут и не живут... Мастерская это, понял?

Пожилой хозяин дома вдруг быстро и ловко сдвинул в сторону две толстенные доски в полу. Отрылся тёмный проход куда-то под землю... Оттуда повеяло теплом и сыростью. Подойдя к краю, пришлый заметил вырубленные в камне неровные ступени. Старик же вытащил из угла факел, зажёл его от пламени печи и принялся быстро спускаться. На стенах наклонного тоннеля задёргались и заелозили кособокие тени.

– И что там? – Гость не стал спешить и не пошёл следом за хозяином.

– Да что ты всё вопросы задаёшь? – крикнул снизу старик. Его голос прозвучал неожиданно громко и грозно, мно-

гократно усиленный эхом. – На вид-то ты не совсем бестолковый... Вот спустимся, и увидишь! Что мне тебе, половину дня стоять тут и описывать, что да как? Или ты, может, боишься?!

Последний вопрос, кажется, обидел незнакомца, и тот быстро пошёл вслед за ворчливым хозяином дома... правда, незаметным движением всё-таки достал из-за пояса самый короткий ножичек.

Ступени были кривыми, короткими и длинными, высокими и низкими, местами обломанными, поэтому спуск в неровном свете факела оказался довольно трудной задачей. Незнакомец на удивление справился с ней довольно легко – ноги, обутые в мягкие кожаные сапоги, обитые изнутри мехом, быстро снесли его вниз, будто сами собой минуя все выступы и трещины.

Лестница резко оборвалась, упёршись в стену из массивных брёвен. Старик открыл толстую дощатую дверь... Навстречу ему тут же выскочила девушка лет пятнадцати. Пришлый еле-еле успел спрятать ножичек обратно за пояс.

– Деда, зачем ты пошёл, зачем пустил к нам этого... – быстро заговорила она на манроковском языке.

– Сколько раз я тебе говорил, Ир-Су, чтобы ты научилась слушаться и доверять моим решениям? – улыбнулся ей в ответ старик. – Этот странник появился очень кстати... У меня есть некоторые мысли на его счёт... Но давай позже, хорошо?

Пришлый, к своему неудовольствию, поймал себя на мысли, что не понимает на манроковском ни слова... Мёртвый язык давно исчезнувшей страны...

Рыжеволосая девчонка с неприязнью глянула на гостя, а затем убежала так же внезапно, как и появилась. Хозяин дома пропустил пришлого в довольно просторную комнату. В ней оказалось гораздо уютнее, чем в «холодной», — на небольших полочках горели свечи, на полу, стенах и даже на потолке были пушистые разноцветные ковры с диковинными узорами. Ноги в них тонули по щиколотку, и даже через толстые сапоги ощущалась невероятная мягкость... Гость не видел таких даже на рынках в родном Лар-Ниаке, хоть там и собирались торговцы со всей Аламарики.

Мебель в комнате была уж слишком низкой и лёгкой, даже хрупкой, и походила скорее на игрушечную. Стульев не было, только столики, шкафчики, тумбочки. Единственным сходством с «холодной» комнатой было то, что и здесь в углу, нахально выпятив широкие бока, стояла здоровенная печь.

— Раздевайся и садись прямо на пол к столу, — велел старик. — Внучка сейчас принесёт обед.

Гостю пришлось долго освобождать себя от всевозможного оружия, потом снимать плащ, под которым оказалась ещё и лёгкая кольчуга, а под кольчугой — поддёвки. Под верхними штанами оказались поножи, а за голенищами сапог — ещё по паре ножей.

— Эх ты вооружился, прям боец-воитель! — усмехнулся хо-

зяин дома.

– Времена нынче такие, – недовольно пробурчал гость.

Тут в комнату вновь вошла Ир-Су. Пришлый с любопытством несколько раз скользнул по девушке глазами. Когда она в первый раз выбежала к деду, то была в огромной бесформенной шубе и такой же шапке, которая налезала чуть ли не на глаза. Теперь Ир-Су переоделась и была в длинном, немного мешковато сидевшем на ней, но всё-таки красивом и изящном чёрном платье.

Лицо у Ир-Су было чуть вытянутое, его черты могли на первый взгляд показаться слишком крупными. Как-бы рассеянно и нечаянно бросая взгляды, гость с удивлением для самого себя жадно всматривался в большие серо-зелёные глаза девушки, разглядывал её широкий нос, пухлые от природы бледно-розовые губы. Гладкие, светло-рыжие волосы Ир-Су спадали по её плечам неровными волнами, лоб был высок и бледен, уши, украшенные невзрачными серьгами, мило оттопырены.

– Ну что ты сидишь, рот разинул, будто тебя кто по затылку огрел? – недовольно проворчал старик и этим вывел гостя из забытья, что тот аж вздрогнул. – Ешь давай, видишь – суп, салат, каша. Не мудрёно, да чем богаты...

– Меня зовут... – Незнакомец начал разговор, но пожилой хозяин дома вдруг резко его оборвал:

– Нет! Обо всех делах, в том числе и о твоём имени – потом. Сейчас – просто ешь, пей чай, грейся, отдыхай и мол-

чи. У нас такой обычай. Пока что для нас ты просто гость, и больше ничего не нужно.

Пришлый, удивлённо посмотрев на старика, повиновался и молча принялся за еду. Пока он ел, хозяин дома и его внучка в свою очередь украдкой его рассматривали... Старик глядел с внимательным любопытством, девушка – с враждебностью и злобой.

Гостю на вид было около двадцати семи – тридцати лет. Он был худощав, но в то же время крепок, хоть и не особенно мускулист. Тёмные волосы мужчины были коротко стрижены, с правой стороны головы – почти налысо, лицо его было чуть вытянутым, зелёные глаза смотрели устало и печально. Нос гостя был довольно длинным и широким, с небольшой горбинкой, бледно-рыжие усы казались несколько неопрятными – будто обгорели, растрепались и теперь торчали в разные стороны. Подбородок пришлого был острым, чуть вытянутым, с небольшой, едва заметной ямочкой. На лице пришлого не было морщин, но лежала уловимая только опытным глазом печать скрытой в глубине души тоски, множества пережитых невзгод, недовольства то ли жизнью, то ли самим собой, душевной усталости...

– Давай-давай ешь, не стесняйся! О чём опять задумался? За едой думать не надо, а то живот болеть будет... – прервал воцарившееся молчание старик. Гостя его нравоучения уже начали немного раздражать, но вида он не показывал – стоило потерпеть ради вкусной и сытной еды, тепла и уюта. До-

рога до Сиу была неблизкой и тяжёлой, поэтому каждая минута отдыха казалась дороже золота.

Алкоголя на столе не было, но пришлый внезапно ощутил непонятно откуда появившееся опьянение. Вначале по телу разлилось приятное тепло, а вместе с ним появилась отяжелевшая руки и ноги сладкая лень, мысли начали заволакиваться туманом, веки будто налились свинцом...

Ир-Су принесла ещё чая, и гость вдруг отметил, что у неё странные руки – мускулистые, жилистые, с острыми локтями, длинными пальцами и широкими запястьями. Казалось, будто этой высокой, худощавой девушке приставили руки четырнадцатилетнего пацана, что привык махать учебным мечом, заниматься гимнастикой и драться. Гость подумал, что слишком крепкие руки – это даже красиво и что они придают юной хозяйке дома особый шарм и притягательность...

Пришлый попытался прогнать от себя пьяные мысли и сосредоточиться, но ничего не вышло. Наоборот, захотелось улечься прямо тут, погрузившись в притягивающий своей мягкостью ворс ковра и наконец отоспаться вдоволь за все мучительные бессонные ночи и полные тяжёлых испытаний дни. Гость понял, что всё это – признаки какой-то опасности, что это ловушка, попытался вскочить, но голова закружилась, все предметы в комнате заскакали в бешеном хороде, а тело отказалось подчиняться последним вспышкам тонущего в бреде разума.

– Эй, старик, чем ты меня накормил?! – заплетаясь в сло-

вах, будто они были целым клубком оживших и нарочно спутавшихся между собой нитей, закричал пришлый. – Ты меня что, отравил?!

– Ложись и спи! – послышался грозный голос.

И наступила крошечная тьма...

Лев Волков

Родился 17 августа 1937 года в семье военнослужащего. Отец Волков Алексей Иванович, мать Волкова Евдокия Степановна, учительница начальной школы. Выпускник Ивановского военно-технического училища с красным дипломом техника-электрика войск ПВО страны. Окончил Военную академию связи. В дальнейшем работал в народном образовании на различных должностях, в том числе в институте усовершенствования учителей заведующим кабинетом начальной военной подготовки. В настоящее время – военный пенсионер, ветеран Вооружённых Сил. Женат, имеет сына. Проживает в Рязани. Принимает участие в качестве внештатного корреспондента в областных газетах, председатель Совета старейшин Рязанского казачьего общества, казачий полковник.

Любовь запоздалая (отрывок из повести)

В Пятигорск поезд прибыл с большим опозданием. На перрон вместе с другими пассажирами вышел высокий, стройный человек уже не первой молодости. По короткой причёске и выправке в нём без труда узнавался военный. Широко поставленные, на лице с тонкими чертами, серые глаза, казалось, что-то искали. Постояв несколько мгновений, он решительно двинулся к привокзальной площади, отыскал по табличке автобус военного санатория, занял одно из свободных мест и успокоился.

В филиал пятигорского санатория Министерства обороны автобус доставил отдыхающих уже за полночь. Дверь двухэтажного спального корпуса, куда направила Сергея Львовича сестра приёмного отделения, была заперта. Сергей Львович нажал кнопку звонка входной двери. Прошла минута, другая, но ничего не изменилось. Потревожив кнопку ещё несколько раз, запоздалый гость принялся стучать в дверь, испытывая неловкость от сложившейся ситуации. Он уже стал терять надежду на благополучный исход, как в одном из окон первого этажа зажёгся свет и послышались шаги в коридоре.

Щёлкнул замок, и перед Сергеем Львовичем предстала заспанная женщина средних лет в помятом халате, со спу-

щенным на одной ноге чулком, на другой чулка не было совсем. Она что-то буркнула в ответ на приветствие, с видимой неохотой провела его в назначенный номер и, продолжая ворчать, удалилась восвояси. В полумраке различались две постели, одна из которых была занята. Сергей Львович, стараясь не производить шума, поставил чемодан в шкаф, разделся, лёг в мягкую, чуть влажную постель и блаженно погрузился в сон.

Проснулся он от хлопка дверью и, открыв глаза, увидел высокого молодого человека с малопримечательным лицом.

– Алексей, – представился тот, – старший лейтенант интендантской службы.

– Сергей, подполковник в запасе, – в тон ему ответил Сергей Львович, протягивая руку для пожатия.

Собираясь к завтраку, они разговорились. Алексей довольно спокойно поведал Сергею Львовичу, что страдает неизлечимой формой ревматизма суставов, и тут же продемонстрировал свою болезнь, сделав несколько приседаний. Сергей Львович с удивлением услышал скрип и мысленно пожалел молодого парня. Сам он, несмотря на возраст, не имел существенных отклонений в здоровье.

Столовая оказалась очень просторным, со вкусом оформленным помещением. Одно место за столиком, где расположился Алексей, было свободно, и Сергей Львович, после согласования с администратором, занял его. Всё начиналось прекрасно, а проснувшийся вдруг аппетит указывал на пол-

ное душевное и физическое благополучие. Только что уйдя в запас, в возрасте сорока шести лет, Сергей Львович намеревался как следует отдохнуть после всех передрыг, связанных с разводом, случившимся накануне увольнения.

Путёвка, предоставленная военкоматом, оказалась как нельзя кстати.

«Никаких волнений», – мысленно предписал себе Сергей Львович, когда собирался в путь.

Покончив с завтраком, они разошлись с Алексеем по разным санаторным мероприятиям, договорившись провести вечер на танцах, посетить которые тот настоятельно рекомендовал. День прошёл во встречах с врачами, назначавшими процедуры, и в ознакомлении с территорией санатория.

– По утрам надо побегать, – решил Сергей Львович, увидев на табличке стрелки, обозначающие направление маршрута терренкура.

После ужина, облачившись в вечерние костюмы, друзья отправились в клуб, решив держаться весь вечер по возможности вместе. Танцевальный зал оказался просторным квадратным помещением со слегка покатым паркетным полом, из чего можно было заключить, что ранее он был кинозалом. Дамы разных возрастов терпеливо восседали на размещённых по периметру зала стульях, кавалеры концентрировались по углам, вели мужские разговоры, исподволь наблюдая за происходящим и намечая очередных партнёров.

Сергей Львович обратил внимание на двух молодых дам,

судя по всему, подруг, довольно привлекательных внешне, и предложил Алексею «разбить» эту пару. Так преимущественно с ними и протанцевали они до конца вечера и вызвались провожать. Поля и Валя отдыхали в профсоюзном санатории «Береговой», довольно отдалённом от военного санатория. За анекдотами, которые они рассказывали по очереди, незаметно подошли к спальному корпусу и стали прощаться.

– Завтра у нас танцы, приходите к нам, – пригласила Поля.

– Непременно будем, – ответил Алексей, церемонно поцеловав её руку.

День пролетел незаметно, а вечером у дверей своего санатория их встретила Поля.

– К Вале приехал муж, ей теперь не до танцев, – ответила Поля на немой вопрос, обозначившийся в глазах Сергея Львовича.

«Ну и ладно», – мысленно отметил Сергей Львович. Валя его «не захватила», а свобода действий представлялась заманчивой.

Под танцевальный зал здесь было приспособлено длинное фойе с колоннами. Заиграла музыка, Алексей с Полиной ушли танцевать, а Сергей Львович принялся не спеша изучать обстановку, обводя глазами зал.

Взгляд его остановился на стоящей у противоположной колонны группе и выделил примечательную пару. Рядом с лощёным, лет сорока, мужчиной стояла очень миловидная

девушка, о чём-то с ним переговариваясь. Сергей Львович вдруг ощутил лёгкое, уже почти забытое волнение, инстинктивно оценив привлекательность незнакомки. Следующим танцем был вальс, и Сергей Львович, воспользовавшись тем, что кавалер не спешил пригласить свою даму, решил реализовать представившийся ему шанс. Незнакомка благосклонно приняла его приглашение, и они закружились по тесному залу, ловко лавируя между другими парами. Танцы Сергей Львович обожал с ранних лет, урывками посещал когда-то бальные школы, и в этом зале ему не было равных. Это отметила и она, сделав комплимент по этому поводу. В разговоре выяснилось, что она учитель, зовут её Людмилой, а мужчина, с которым она пришла на танцы, – отдыхающий их санатория и скоро уезжает. Последнее обстоятельство приятно взволновало Сергея Львовича, так как с каждым танцем он всё явственнее ощущал нарастающее влечение к своей новой знакомой. Прощаясь, он пригласил её на танцы в военный санаторий...

Лидия Гортинская

Родилась в Архангельске в 1982 году. Живёт в Ленинградской области. Кандидат физико-математических наук. Член Российского союза писателей. Издано пять печатных книг и восемь электронных. Дипломант VII международного конкурса журнала «Литера Нова» (2024), шорт-лист «Проект специального назначения» (2024) в номинации от АО «Заслон», лонг-лист «Новые горизонты» (2024, «Литрес»), лауреат литературного конкурса «Мгинские мосты» (2025), лауреат международной литературной премии «ДИАС» (2025), лауреат конкурса «Литературная карусель» (2025).

Лес знает твой страх

Глава 1. Возвращение

Поезд ушёл, оставив после себя только гул в металлических рельсах и запах железа и дёгтя. Анна стояла на крошечной платформе, обрамлённой болотными ивами, и смотрела, как дым растворяется в пасмурном небе. До Калмозера оставалось двадцать километров – дорога, которую уже давно никто не называл дорогой.

Она подняла воротник куртки, поправила рюкзак и пошла. Шоссе быстро сменилось разбитым просёлком, потом глиной, потом мхом. Лес сомкнулся за спиной.

Когда-то здесь жила её бабушка – строгая, молчаливая женщина, пахнувшая дымом и сухими травами. Теперь её уже нет, умерла несколько лет назад. В детстве Анна приезжала сюда на лето, пока однажды не потерялась в лесу. Сколько ей тогда было – шесть? семь? – не важно. Она помнила лишь, как звуки стихли, как воздух стал вязким и тёмным, а потом – голос. Мягкий, детский, будто изнутри головы: *«Не бойся, я покажу тебе путь»*.

Она тогда выбралась. Её нашли на опушке, бледную, с расцарапанными руками. С тех пор тьма и тишина вызывали в ней дрожь. Но теперь, взрослой, она шла туда сама – искать

истории о таких голосах.

К вечеру показалась деревня. Несколько покосившихся домов, слепые окна, крыши под мхом. Калмозеро выглядело так, будто время здесь остановилось лет тридцать назад и решило больше не двигаться. Местных жителей называли калмами. На краю деревни чернела церковь без купола – крест валялся рядом, вросший в землю.

Анна сняла перчатку и дотронулась до почерневшей доски забора. Под пальцами осталась пыль и что-то липкое – смола или сок.

– Живая, – тихо сказала она, не поняв, к кому обращается.

В доме бабушки пахло холодом и пеплом. В углу стоял стол, покрытый вышитой скатертью; в красном углу – иконы и вепсские куколки.

На стене висел оберег: три высушенных корня, перевязанных красной нитью.

Анна достала телефон, включила запись и шепнула, словно в микрофон:

– День первый. Калмозеро. Воздух влажный, запах прелой коры.

За окном что-то скрипнуло. Ветер? Нет – слишком ритмично. Она подошла ближе: на стекле выступил иней, тонкими линиями, будто кто-то провёл пальцем.

Слова сложились сами: «Бойся – помни – иди». Анна моргнула – надпись исчезла, оставив только холод. Где-то да-

леко, в лесу, кто-то тихо позвал её по имени.

Она закрыла ставни, но шёпот всё ещё звучал – не угрожающий, а... знакомый. Так же, как много лет назад, когда страх впервые взял её за руку и вывел из тьмы.

Глава 2. Шёпот в ночи

День тянулся медленно. Анна записывала рассказы стариков, один за другим. Их осталось четверо – молчаливые, с сухими руками, с глазами, которые будто всё ещё видят прошлое. Она ставила диктофон, задавала вопросы про *леших*, про *калмов*, про страхи и слушала, слова текли медленно, как вода сквозь мох.

– Всякая тварь боится, – сказал дед Еремей. – А у нас страх не тварь, он разумный. Пелконен зовут.

– Это как дух?

– Как сторож. Только если не слушаешь его – он сам тебя сторожит, пока не уведёт.

Анна делала пометки. «Пелконен – дух страха, двойственная природа. Помощник и губитель. Функция – предупреждение». Но внутри было беспокойно. Эти слова отзывались чем-то старым, забытым.

Когда она пришла к Варваре, та сидела на крыльце и смотрела в лес. Лицо – сморщенное, как сушёное яблоко, глаза – острые.

– Приехала, значит, – сказала старуха, не оборачиваясь. –

Знала я, что вернёшься.

– Вы меня помните?

– Не тебя – страх твой. Ты тогда в лесу кричала, я слышала. Но не я вывела. Он вывел.

Анна почувствовала, как что-то холодное подступает к горлу.

– Кто... он?

– Пелконен. – Варвара сплюнула в землю. – Страх твой личный. Он дитя леса, не злой и не добрый. Кто свой страх прогонит – того лес заберёт. Кто примет – тот выживет.

Эти слова застряли в голове. Она записала их, но ночью стёрла. Не хотелось, чтобы остались.

Сон не приходил. За стеной потрескивали дрова, за окном шёл снег, редкий, медленный. Анна лежала, глядя в потолок. И вдруг – шёпот. Сначала еле слышный, будто лист зашевелился, потом ближе.

«Анна...»

Она села, сердце ударило в горле. Шёпот пришёл из-за окна. Она прошла, медленно, босиком, по скрипящему полу. За стеклом – чернота и редкие снежинки.

«Не бойся... я рядом».

Холод прошёл по спине. Голос был тот же, что в детстве, – тихий, детский, беззлобный.

«Позволь мне бояться за тебя».

На стекле снова появился иней. В отражении – она, но не

совсем: лицо чуть искажено, глаза темнее, губы шевелятся, хотя её собственные молчат. Отражение улыбнулось – не зло, а с какой-то жалостью.

– Кто ты? – выдохнула Анна.

Тень качнула головой: *«Ты знаешь. Я просто помню за тебя то, что ты забываешь»*.

Она отпрянула, сорвала занавеску и протёрла окно, но отражение не исчезло. Оно прошло по стеклу, как дым, и растворилось. Анна стояла в темноте, прижимая руки к груди. Из леса доносился тот же шёпот – теперь многоголосый, будто сотни уст повторяли одно и то же слово, которое нельзя было разобрать. И вдруг всё стихло. Слышались только дыхание и сердце. И – где-то совсем близко – детский голос, почти ласковый: *«Теперь ты не одна»*.

Глава 3. Союз со страхом

Дни перестали отличаться друг от друга. Сначала Анна пыталась вести дневник, отмечая дату, погоду, имена стариков. Потом перестала. Теперь она просто включала диктофон, когда чувствовала, что кто-то рядом.

Записи получались странные. На них – её голос, но не совсем. Между словами возникали паузы, в которых кто-то тихо шептал, словно повторяя её мысли чуть раньше, чем она их произносила.

«...страх – не враг... он предупреждает... нужно... помни

лес... помни меня...»

Она слушала, и по коже шёл мороз. Иногда слова появлялись в ноутбуке, хотя она точно не печатала. Фразы складывались из обрывков старых песен и легенд: «Пелконен ведёт – не чтобы спасти, а чтобы показать».

С Варварой она теперь говорила редко. Старуха смотрела с опаской, крестилась.

– Ты всё ближе, – сказала она однажды. – Он к тебе прижился.

– Я просто записываю, – ответила Анна. – Это часть моей кандидатской диссертации, моей работы.

– Работа не оправдание, если душу зовут.

Анна не ответила. Душу действительно звали. Каждый вечер, когда солнце уходило за тёмные ели, из леса тянуло – не запахом и не звуком, а чем-то иным, почти физическим притяжением. Как будто за пределами человеческих глаз что-то ждало её возвращения.

В одну из ночей она проснулась от того, что диктофон включился сам. На записи – дыхание, шаги по снегу и её собственный голос: *«Иди. Покажу, где лежит память»*.

Она вышла. Луна висела низко, между деревьев. Воздух был неподвижен. Лес принимал её без звука – снег не хрустел, ветки не шевелились. Только шёпот – еле различимый, но отчётливо ведущий вперёд.

На поляне стояли камни, обвитые корнями. Между ними – углубление, в котором блестели осколки кости и ржавая железная подвеска. Она знала, что это – похьялина, древнее жертвенное место, о котором рассказывали лишь в легендах. Никто из жителей не смог бы показать его.

– Спасибо, – прошептала Анна.

И услышала ответ: *«Я помню. Я всегда помнил. Теперь ты – тоже».*

Она вынула подвеску, повесила на шею. Металл был холоден, но под пальцами будто пульсировал.

С того дня люди стали обходить её стороной. Дед Еремей отворачивался, Варвара не выходила из избы. Собаки выли, когда она проходила мимо. Анна всё меньше говорила и всё больше слушала. Лес шептал почти непрерывно: о старых святилищах, о камнях, под которыми лежат имена забытых людей и существ.

В одной из записей Пелконен сказал: *«Люди не слушают, потому что боятся. А ты – боишься, потому что слушаешь. Вот почему мы вместе».*

И Анна поняла, что уже не ищет легенды – она становится одной из них. Каждый день слова леса звучали громче, а голоса людей – тише. Где-то на границе сна и яви она впервые ощутила: страх больше не внутри неё. Он идёт рядом.

Глава 4. Истинное лицо помощника

Варвара пришла поздно, когда тени уже растянулись до самых порогов домов и окна заблестели холодным янтарём. Она стояла у печи, держа в руках кружку чая; пальцы её были толстыми, как корни, голос – сухой, как берёзовая кора.

– Ты погрузилась глубже, чем надо, – сказала она без предисловий. – Страх хочет, чтоб ты жила его страхом. А потом – чтоб ты стала им.

Анна слушала, и в груди у неё лежало какое-то тяжёлое не сомнение даже, а понимание, что одно можно утратить, приняв другое.

– Это наследие, – продолжила Варвара. – Раньше у нас были пелко-хранители. Они звали страх, брали его в дом и замыкали в мешках из бересты, носили на себе – чтобы вся деревня могла ходить, не оглядываясь. Отдавали лесу часть себя. Другие жили без страха, а они – с ним. Защита – и цейтноту были их ночи.

– И что с ними стало? – спросила Анна.

– Одних лес принял, – ответила старуха. – Другие... молчали и уходили. Нельзя вернуть то, что было отдано, – только продлить.

Варвара поставила кружку и взглянула на амулет Анны – ржавая подвеска с похьялины. Её глаза сощурились.

– Ты не снимай, – сказала она коротко. – Пока.

На следующий день лес открылся перед Анной иначе. Дорога, по которой она шла раньше, обрывалась; трава ложилась корочкой инея, и под ней что-то шевелилось, будто земля помнит шаги давно ушедших. Впереди – круг из низких камней, заросших лишайником и кленовыми корнями. Калмо-круг. Они говорили об этом шёпотом у печи, но показывали только тем, кого лес сам ведёт.

Анна не помнила, как подошла. Шаги были лёгкими, как будто кто-то держал её за руку. Камни в круге были тёплыми; воздух пах плесенью и железом. В центре – углубление, в котором лежали предметы: кость с насечками, треснувший медальон, плетёная лента. Каждая вещь имела историю, и все истории говорили о страхе, отданном когда-то в обмен на мир.

Она опустилась на колени, тогда лес затих – так резко, что даже её собственное сердце звучало громко.

«*Ты пришла*», – произнёс голос прямо у уха, и Анна вздрогнула; тень от камней будто сгушалась и приняла черты, знакомые, как собственное лицо. Это было её отражение, но с глазами, в которых блуждали искры чужой памяти.

– Кто ты? – спросила она тихо, хотя знала ответ.

– Я – то, что помнит за людей, – сказал голос. – Я – Пелконен.

Он не был ни демоном, ни ангелом. У него не было зубов и не было крыльев; лишь плоть шёпота, ткань предчув-

ствия. Иногда он казался ребёнком, иногда стариком, но чаще – просто пустым местом, в которое можно было вселиться с любой мыслью.

– Ты что... хочешь от меня? – спросила Анна.

– Хочу одного: чтобы ты вспомнила свой род, – ответил Пелконен. – Ты – не случайность. Ты – потомок тех, кто сдерживал страх других. Пелко-хранители. Они отдавали часть себя лесу, держали замок над злым, так что деревня могла жить. Ты – наследница. Ты можешь вернуть их имя.

Её пальцы сжали подвеску на груди. Внутри разгорелась давящая теплота – не боль, а требование.

– Что я должна сделать? – Голос её был почти шёпотом, потому что в нём жил вопрос, который она боится себе задавать целую жизнь.

Пелконен склонился над углублением, и холод от его дыхания был похож на старую легенду.

– Отдай мне свой страх, – произнёс он, и слова легли на землю, как пепел. – Не спрячь его, не выпусти наружу, не закрой музыкой и светом. Принеси его сюда – как жертву. Я приму его. Я разобью его на маленькие огни. Ты будешь защищена. Тебе не придётся бояться; лес позаботится.

Анна представила, как её ночи станут свободными, как тьма перестанет давить на грудь. Она увидела чистоту в голосах стариков, спокойствие в их жестах. Но за этим видением проступила другая картина: её лицо, вытянутое и пустое, без страха, без внезапно появляющихся паник – но и

без яркости жизни. Как зеркало без отражения.

– А цена? – спросила она, потому что всегда в тених был ответ.

Пелконен улыбнулся тем, кто умеет улыбаться, когда знает, что говорит правду.

– Цена – простая. Ты отдаёшь своё право на страх. Ты будешь жить, но не как раньше: ты будешь стоять между ними и лесом. Ты – страж. Люди будут жить легче, но будут подходить к тебе осторожно. Некоторые уйдут от тебя, некоторые придут просить. Ты не будешь частью их бесед. А однажды – когда придёт твоя очередь – лес возьмёт и тебя. Не сразу: постепенно. Страх, отданный однажды, возвращается по-иному.

Анна ощутила, как предательски распахнулся перед ней путь, по которому шли её предки. Она представила Варвару, дедов, детей деревни, не боящихся ночи.

– А если я не отдам? – спросила она. – Если попытаюсь жить по-другому?

– Тогда ты будешь, как многие, – тихо проговорил Пелконен. – Сначала сильнее, храбрее. Потом – однажды – оступишься и не спасёшься. Лес терпелив. Он ждёт тех, кто отвергает то, что оберегало их.

Вокруг камней шевельнулось что-то тёмное. И Анна поняла: выбор не был о том, жить или умереть. Он был о том, кем она станет, пока живёт.

Она опустила ладонь в углубление. Металл на подвеске

отозвался, как живой. Сердце стучало так, будто пыталось стукнуть наружу через рёбра. Снег шёл за её плечом, тихий и ровный, как шёпот, который она уже знала наизусть.

«Отдай мне страх – и я защищу тебя», – тянулось в голове, как нить.

Анна сжала зубы. В горле у неё росло слово, которое было и решением, и преданием. Она подняла голову к небу, где тонкий месяц был как ладонь, держащая иглу. И ответ её раздался в тишине, такой же маленькой и неизбежной, как шаги предков.

Глава 5. Два леса

Утро пришло внезапно, будто кто-то открыл глаза после долгого сна. Ветер стих, снег лежал странно ровно, как выровненное полотно. Варвара вышла к опушке – старуха привыкла к мёртвым, но сейчас в ней дрожало что-то детское.

В центре поляны, между камней калмо-круга, лежала Анна. Руки – раскрытые, глаза – закрытые, губы изогнуты в лёгкой, почти спокойной улыбке. Рядом – диктофон. Он всё ещё записывал, ловя ветер.

Варвара наклонилась и нажала «стоп». На экране мигнуло: Запись № 13. Она нажала «прослушать».

«...Он просто хотел, чтобы я жила... Я отдала ему то, что держала с детства... Теперь я не боюсь...»

Старуха перекрестилась. Лес тихо зашелестел.

Но в том же лесу – будто по другую сторону отражения – Анна стояла на опушке, глядя на утренний туман. Воздух был чист, словно первый вдох после болезни. Камни калмо-круга сияли инеем, и в каждом блестела тень – не её, но знакомая.

Из-за деревьев вышел Пелконен. Не тень и не человек – очертание дыхания, переливающееся светом, как холодный янтарь.

– Теперь ты понимаешь, – сказал он.

Анна кивнула. В груди не было страха. И не было пустоты. Только чувство, что мир стал шире, чем раньше.

– Что со мной? – спросила она.

– В одном лесу ты умерла, – ответил он. – В другом – осталась со мной.

Он протянул ей руку – прозрачную, но весомую, как вечерний воздух.

– Так бывает со стражами. Они живут в двух мирах, пока их помнят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.